

Наблюдения
за семейными
поминовениями во
вкладных и кормовых
книгах Иосифо-
Волоколамского
монастыря:
коллективный вклад
и имянаречение*

Observations
on Family
Commemorations
in the Donation and
kormovye Books of the
Joseph-Volokolamsk
Monastery: Collective
Contribution and
Name Giving

Екатерина Станиславовна
Евдокимова

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»;
Российский государственный архив
древних актов,
Москва, Россия

Ekaterina S. Evdokimova

HSE University;
Russian State Archive of Ancient Acts,
Moscow, Russia

* Автор выражает благодарность Анне Феликсовне Литвиной и Федору Борисовичу Успенскому за многократное консультирование. Публикация подготовлена по результатам работы научно-учебной группы НИУ ВШЭ «Музей утраченных древностей» (№ 25-00-031).

Цитирование: Евдокимова Е. С. Наблюдения за семейными поминовениями во вкладных и кормовых книгах Иосифо-Волоколамского монастыря: коллективный вклад и имянаречение // *Slověne*. 2026. Т. 15, № 1. С. 94–116.

Citation: Evdokimova E. S. (2026) Observations on Family Commemorations in the Donation and *kormovye* Books of the Joseph-Volokolamsk Monastery: Collective Contribution and Name Giving. *Slověne*, Vol. 15, № 1, p. 94–116.

DOI: 10.31168/2305-6754.2026.1.04

Резюме

Статья посвящена особому типу монастырских коммемораций — семейным кормовым поминовениям в стенах Иосифо-Волоколамского монастыря. Корм — поминовение, включавшее в себя особую общую трапезу монастырской братии в память о человеке. Кормовые поминания обычно являлись посмертными, хотя на страницах вкладных книг встречаются упоминания и о заздравных кормах. Данную монастырскую практику можно разделить на те случаи, где в назначенный день ставился корм по душе одного усопшего, и такие, где вместе поминался целый перечень лиц, довольно часто, хоть и не всегда, приходящихся друг другу родственниками. Проблема, которой посвящена данная работа, — принципы избрания дня (или в некоторых случаях дней) для подобных семейных коллективных коммемораций в практиках Иосифо-Волоколамского монастыря XVI–XVII вв. Цель работы — определить основные тенденции в организации подобных поминовений. В статье по большей части привлекаются материалы составленных в 1550-х гг. вкладной и записной книг Иосифо-Волоколамского монастыря, а также кормовой книги 1581–1582 гг. и вкладной книги 1585–1587 гг. той же обители. В качестве дополнительного материала использованы монастырские синодики. Связь этих рукописей между собой не вызывает вопросов. В статье рассматриваются различные типы семейных кормовых поминаний, выделяются основные тенденции в выборах дней памяти, а также затрагивается проблема имянаречения в русской средневековой традиции и христианской двуименности.

Ключевые слова

поминовения, коммеморативные практики, коллективные поминания, Иосифо-Волоколамский монастырь, вкладные книги, кормовые книги, русское Средневековье, имянаречение, полиномия

Abstract

The article examines a special type of monastic commemorations—family feed (*korm*) commemorations within the walls of the Joseph-Volokolamsk Monastery. *Korm* is a commemoration that includes a special common meal of the monastery brethren in the memory of a person. These commemorations were usually posthumous, although the pages of the contribution books also contain references “grace-feed” (a feed to the health of the person). This monastic practice can be divided into those cases where commemoration is placed on the appointed day for the soul of one deceased, and those where a whole list of people is commemorated together, being quite often, although not always, related to each other. The problem discussed in this paper is the principles of choosing a day (or in some cases days) for such collective family commemorations in the practices of the Joseph-Volokolamsk Monastery of the 16th–17th centuries. Its goal is to determine the main trends in the arrangement of such commemorations. It mostly uses materials from the earliest contribution and record books of the Joseph-Volokolamsk Monastery from the Collection of the State Historical Museum, the Donation Book of 1585–1587 and the *Kormovaya Book* of 1581–1582. The synodicons of the Joseph-Vokolamsk Monastery were used as additional material. Representative examples from these sources with quotations are given. The connection between these manuscripts does not

raise questions and was examined in other studies. The article considers various types of family *kormovye* commemorations, highlights the main trends in the selection of days of remembrance, and touches upon the problem of naming in the Russian medieval tradition and Christian binominality.

Keywords

commemorations, commemorative practices, collective commemoration, korm, Joseph-Volokolamsk monastery, contribution books, Russian Middle Ages, name giving, polynomial

Введение

Практика вкладов в монастыри на Руси имеет глубокие корни, о чем свидетельствуют многочисленные грамоты о даяниях в пользу новгородского Юрьева монастыря, Саввино-Сторожевского, Троице-Сергиевого, московского Симонова и других монастырей. Согласно исследованию Л. Штайндорфа, в XV в. культура монастырских поминовений претерпела значительные изменения и произошли они первоначально в стенах Иосифо-Волоколамского монастыря. Самое значительное из этих новых веяний — появление общего унифицированного порядка проведения поминальных практик со строго определенной платой за них [Штайндорф 2014: 29; Алексеев 2002: 148]. В Иосифо-Волоколамском монастыре впервые был записан в синодики регламент новым процедурам поминовений, и лишь позднее аналогичный документ появился в Кирилло-Белозерском монастыре [Штайндорф 2014: 30]. В работе Т. И. Шабловой, напротив, утверждается, что всedневное и кормовое поминание не являются изобретениями Иосифо-Волколамского монастыря [Шаблова 2012: 33].

Оставляя в стороне дискуссию о первенстве в создании вкладных и кормовых книг, можно говорить о том, что монастырские книги Иосифо-Волоколамского монастыря репрезентативны для исследования становления этой практики. Как было отмечено А. А. Зиминим, «ни один русский монастырь не имел такой четко выработанной системы поминания умерших, как Волоколамский. Здесь не только была установлена строгая такса за отдельные виды поминаний, но и было дано идеологическое обоснование важности вкладов “по душам”» [Зимин 1977: 103]. Исключительный статус Иосифо-Волоколамского монастыря, а также хорошая сохранность его наиболее ранних вкладных и кормовых книг¹ дают возможность для исследования новой для России

¹ Источниковедческий обзор монастырских книг Иосифо-Волоколамского монастыря (см. об этом [Зимин 1978: 83–84]). Наше исследование основано на

рубежа XV–XVI вв. практики — семейных «кормовых» коммемораций [Штайндорф 2002: 137–152].

Корм по усопшему являлся самой дорогостоящей и вместе с тем самой торжественной монастырской поминальной практикой, включавшей в себя особую общую трапезу монастырской братии [Штайндорф 2000: 212]. Существовала и традиция заздравных кормов, причем записи в кормовых книгах не всегда дают возможность надежно определить, с какой из двух этих практик — коммеморативной или заздравной — мы имеем дело в конкретном эпизоде. Эта проблема требует специального рассмотрения, однако мы коснемся ее в данном исследовании.

Устройство индивидуальных кормовых поминовений на первый взгляд кажется довольно прозрачным. Трапеза могла быть приурочена как к годовщине смерти поминаемого, так и ко дню памяти его патронального святого. В некоторых случаях оба дня являлись поминальными. Модель эта настолько стабильна, что исследователи часто рассматривают ее как своеобразную аксиому [Штайндорф 2002: 90–99]. Если день памяти не приходился на именины поминаемого лица, почти автоматически предполагается, что это его день преставления. К сожалению, подобный метод не всегда надежен, причем ненадежность его предопределена самой спецификой русской коммеморативной традиции. Во-первых, в некоторых случаях именинный день памяти сдвигался, чтобы уступить место другому празднику. Например, корм по царевне Анне, дочери царя Ивана IV Васильевича, в Иосифо-Волоколамском монастыре справлялся 7 сентября, а не в день ее именин 9 сентября, так как в этот день в монастыре отмечалась память его основателя св. Иосифа Волоцкого [Ibid.: 95–96]. Во-вторых, несовпадение именин и выбранного для поминания дня иногда оказывается мнимым. Рассмотрим один из примеров такого рода:

Поминати Василиа Андрѣевича Челяднина доколѣ манастырь Пречистыя стоит [...] Да быть по немъ корму з году на годъ марта sī [16], а другому быти корму по немъ декабря кѣ [22]² [Титов 1906: 17].

вкладной (*Енарх. № 419 (687)*) и записной (*Енарх. № 418 (686)*) книгах Иосифо-Волоколамского монастыря, составленных в 1550-х гг. (опубликованы в: [Титов 1906]); Вкладной книге 1585–1587 гг. (*РГАДА, 395*) и кормовой книге 1581–1582 гг. по списку *ГИМ. Син. № 403 (829)*, опубликованному Л. Штайндорфом [Steindorff 1998]. Там, где это возможно, данные сверены и приведены по всем книгам. Впрочем, надо учитывать, что записи от книги к книге разнятся, и далеко не все вкладчики монастыря упоминаются во всех источниках. В качестве дополнительных материалов привлечены синодики, опубликованные В. С. Безродновым и А. Л. Корзининым [Иосифо-Волоколамский монастырь 2024].

² Текст А. А. Титовым передается с сохранением *ѣ* и *і*, а также конечного *ъ*. Орфография и лексико-грамматические особенности текста не нормализуются. Сокращения сохраняются в исходном виде, титул не раскрывается; числовое значение буквенной цифры приводится в квадратных скобках мной.

Перед нами два поминальных дня. Логично предположить, что один из них — день преставления, а другой — день именин. Однако ни 16 марта, ни 22 декабря в месяцеслове не обнаруживается празднования кому-либо из святых Василиев. Исследователь в этой ситуации оказывается в тупике и может предположить, что существует еще один принцип выбора дня памяти. Здесь приходит на помощь знание о существовании на Руси светской христианской двуименности. Эта проблема уже не одно десятилетие разрабатывается в историографии, в первую очередь усилиями А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского³. Русский средневековый человек мог обладать более чем одним именем, даже не принимая иноческий постриг. Так, великий князь Иван III в крещении имел другое имя — Тимофей, а венценосный В. И. Шуйский в миру звался как Василием, так и Потопием, а при постриге получил еще одно имя — Варлаам. Традиция это касалась не только московских царей, но и куда более широкого круга лиц [Литвина, Успенский 2022а: 158]. При этом не всегда подобные случаи возможно вычислить по прямым свидетельствам. В некоторых синодиках, например синодике-помяннике Иосифо-Волоколамского монастыря, Василий Андреевич Челяднин продолжает именоваться Василием [Иосифо-Волоколамский монастырь 2024: 206], однако, как убедительно показало исследование А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского [Литвина, Успенский 2024: 61–66], он имел еще и крестильное (молитвенное, прямое) имя, отличавшееся от публичного, — Савин. Память мученика Савина как раз отмечается 16 марта. Вероятно, таким образом, что 22 декабря — день преставления Челяднина, тем более что к началу февраля его уже точно не было в живых [Ibid.: 64–65].

Разобравшись со столь трудным примером, перейдем к более простому, но не менее интересному случаю, связанному с еще одной особенностью бытования многоименности на Руси:

Поминати инока Тихона Стремоухова. Доколе манастирь Пречистыя стоит, ис повседневнаго поминания не выгладить [...] Да быти по немъ корму маина въ г [3], доколе манастирь Пречистыя стоить [Титов 1906: 24].

Заглянув в месяцеслов, мы не обнаружим под 3 мая памяти никого из святых по имени Тихон, но можем ли мы на этом основании заключить, что Тихон Стремоухов преставился в этот день? Обращает на себя внимание особый статус поминаемого лица — он назван иноком. Как известно, по крайней мере с XV в. на Руси возобладала тенденция,

³ Приведем лишь основные работы указанных авторов по этому вопросу: [Литвина, Успенский 2006; Успенский 2007; Литвина, Успенский 2013; Литвина, Успенский 2020; Литвина, Успенский 2022б].

согласно которой монаху при постриге подбиралось новое имя с некоторой оглядкой на крестильное имя человека. Чаще всего совпадали начальные буквы этих двух имен. Так, Василий мог стать иноком Василианом, Григорий — иноком Геннадием, Дмитрий — иноком Даниилом и т. п. [Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017: 101]. Получение нового имени, однако, не означало, что старое предавалось забвению [Ibid.: 82–91]. Довольно часто светское имя появляется в документах с имущественными распоряжениями инокa [Литвина, Успенский 2020: 41]. Что для нас еще существеннее, в коммеморативной традиции большинство людей, принявших постриг, связывали свое кормовое поминование именно с крестильным именем [Ibid.; Литвина, Успенский 2020: 36]. При этом записывали их в синодики чаще всего уже под именем иноческим. В синодике Иосифо-Волоколамского монастыря последней четверти XVI в., равно как и во вкладной книге 1585–1587 гг., наш герой именуется иноком Тихоном [Иосифо-Волоколамский монастырь 2024: 175]. Очевидно при этом, что он имел еще и иное, крестильное имя, которое, как можно предположить, начиналось на букву «Т». В месяцеслове под 3 мая поминаются святые мученики Тимофей и Марфа. Это означает, что с большой вероятностью наш инок Тихон Стремоухов звался в крещении Тимофеем и поминался все-таки в свой именинный день [Дайкстра 2007: 290].

Итак, хотя традиция приуроченности дня памяти к именинам или дню преставления была действительно довольно стабильной, здесь необходимо учитывать отмеченные выше особенности функционирования русской полиномии — возможное наличие у одного и того же светского лица двух христианских имен, крестильного и публичного, и актуальность крестильного имени для инокa.

Еще более трудной ситуация оказывается в случае с коллективными кормовыми поминовениями, где для нескольких лиц выбирается один день. Естественно, что в некоторых ситуациях невозможно установить принцип избрания этого дня, но в тех случаях, когда корм ставился на именины одного из усопших, провести подобную реконструкцию представляется возможным.

Анализ вкладных и кормовых записей показывает, что единый день памяти мог устанавливаться как по коллективу родственников, так и по людям, не связанным между собой столь тесными узами [Авдеев 2022]. С этой точки зрения примечательны поминовения по жертвам опричнины, где выбор дня для единого поминания целого перечня лиц нес символическое значение [Булычев 2005]. В данной работе, однако, мы сосредоточимся на наиболее часто встречающемся в книгах Иосифо-Волоколамского монастыря типе коллективных кормовых

поминаний — семейном. Самое простое объяснение для подобного типа вкладов — прагматическое, с целью экономии. Стоимость одного ежегодного кормления «ввек» составляла не менее 100 рублей [Алексеев 2002: 151]. Не исключено, однако, что стремление к общему поминовению могло обладать и некоторым символизмом.

Вкладчики-миряне

Ключевой фигурой вкладных и кормовых записей такого рода является человек, заказавший поминовение по усопшим, — он определял перечень лиц, вошедших в поминовение, и, вероятно, назначал день для свершения кормления. В связи с этим неудивительно, что довольно часто вкладчик избирал день, связанный непосредственно с его собственными именинами. Приведем сначала ряд более очевидных примеров:

- вклад князя Дмитрия Федоровича Хованского: вкладчик поминается с родителями — князем Федором и княгиней-инокиней Анной — день памяти 26 октября на праздник вмч. Дмитрия Солунского [РГАДА, 395, л. 75об.–76; Титов 1906: 52; Steindorff 1998: 47]⁴;
- вклад Василия Юрьевича Поджоги́на: вкладчик поминается с родителями — Георгием (мон. Герасим) и княгиней-инокиней Александрой — день памяти 26 апреля на праздник свщмч. Василия еп. Амайского [РГАДА, 395, л. 126об.–127; Титов 1906: 23; Steindorff 1998: 205]⁵;
- вклад Федора Остафьева: поминаются вкладчик и его сын Иван — день памяти 21 апреля на праздник мч. Феодора в Пергии [РГАДА, 395, л. 127об.–128].

Несколько реже семейное поминовение могло быть приурочено ко дню преставления вкладчика. О том, как такое было возможно, — ведь, распоряжаясь о вкладе, человек еще не мог знать даты своей кончины — и какое место такие записи занимали в системе коллективных поминовений, мы поговорим ниже. Пример такого поминовения:

- вклад Никиты Афанасьевича Фуникова: поминаются вкладчик, его родители, первая жена Екатерина и вторая жена Мария (мон. Маремьяна) — память 25 июля⁶ на день преставления вкладчика [Алексеев 2019: 92].

Как можно заметить, во всех четырех случаях вкладчики являлись светскими лицами и, по-видимому, не обладали какими-либо дополнительными именами, поэтому вычислить причину назначения конкретного поминального дня оказывается довольно просто. В трех случаях

⁴ В кормовой книге 1581–1582 гг. корм по Дмитрию и его отцу Федору, без матери.

⁵ В кормовую книгу записан только Василий Юрьевич Поджогин.

⁶ В кормовой книге под этим числом сказано: «По Никите по Фуникове да по жене его по иноке Маремьяне, а дачи его по себе и по первой жене Екатерине рн [150] рублей, да другая жена Маремьяна дала по себе ризы [...]» [Steindorff 1998: 267].

поминание привязано к единственным для этих вкладчиков именинам. Труднее обстоит дело с иноками, которые априори обладают двумя христианскими именами. Поговорим подробнее о таких вкладах.

Вкладчики-иноки

Во вкладных книгах часто эксплицитно сказано, какое из имен является иноческим. Так, о вкладе Стефана Захарьевича Головина сына Обобурова сказано:

Да быти по Стефанѣ, а во иноцѣх Сильвестрѣ, и по всѣхъ его родителейхъ на всякъ годъ корму мѣсяца августа кѣ [25] [Титов 1906: 53–54].

25 августа — праздник свв. Геннадия и Стефана, патриархов Константинопольских. Как видим, здесь вкладчик привязывает все поминание ко своему крестильному имени, что — как будет доказано далее — является характерным для монашеских вкладов.

Формула «и по всѣхъ его родителейхъ» напоминает нам еще об одной черте семейных «памятей». Чаше всего вкладчики заказывали корм по себе, отцу и матери, однако в некоторых ситуациях список поминаемых мог быть более длинным: сюда могли войти братья и сестры, дяди и тети, дедушки и бабушки с обеих сторон и другие родственники. С этой точки зрения показателен вклад другого инока:

Помінаніє Федора Борисовича Бороздина, а во иноцѣх Макарія. Поминати во всенденномъ спискѣ и в сенаникѣ: дѣда Федорова Бориса, а во иноцѣхъ Михаила, да отца Федорова Бориса, а во иноцѣхъ Боголѣпа, да мать Федорову иноку Марфу, да самого Федора, а во иноцѣхъ Макарья. Да учинити по нихъ два корма по всякой годъ: первой корміти по Федорове дѣде, да по отцѣ по Федорове июля кд [24], а другой по матери по Федорове, да по самомъ Федоре, а во иноцѣхъ Макарье — маія аї [11] [...] [Ibid.: 48].

Этот пример демонстрирует целый комплекс интересных проблем. Во-первых, Федор (мон. Макарий) Бороздин избрал нетипичную коммеморативную стратегию. На первый взгляд может показаться, что здесь поминаются вместе отец и сын — Борис (мон. Михаил) и Борис (мон. Боголеп) Бороздины, при этом поминание приходится на совместные именины на праздник свв. князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. И только изучение генеалогии Бороздиных открывает для нас интересную особенность этой сложно организованной записи. Отец и упомянутый дед Федора Бороздина с большой вероятностью не являются кровными родственниками. Согласно генеалогическим сведениям [РГАДА, 286-413; Долгоруков 1857, 59–67; Шабает 2017], отцом Бориса (Боголепа) Бороздина являлся Захарий Петрович. Борис (Михаил) же, вероятно,

был отцом матери Федора, иноки Марфы, чье происхождение, к сожалению, неизвестно. Федор Борисович Бороздин объединил под одним кормом Бориса Захарьевича Бороздина не с его отцом, а с его тезоименным тестем, своим дедом по матери. О причинах такого решения остается только догадываться. Возможно, к родственникам по матери Федор Борисович Бороздин испытывал более глубокую душевную привязанность или совпадение имен отца и деда подтолкнуло его к этому поступку. Примечательно и то, что сам Федор Борисович объединил себя со своей матерью — инокой Марфой. Вероятно, что корм по Федору и его матери, по крайней мере изначально, являлся заздравным, тогда как по отцу и деду — поминальным. О причинах такой интерпретации записи мы поговорим ниже, а здесь обратим внимание на день, избранный для корма по Федору (Макарию) и его матери — 11 мая. Если принять, что день этот был выбран при жизни вкладчика и его матери, то он не может быть связан с датой преставления одного из них. 11 мая в месяцеслове отсутствует память для кого-либо из святых по имени Феодор, Макарий или Марфа. Впрочем, в этот день отмечается память сщмч. Мокия. Если принять во внимание несовпадение в первых буквах светского и монашеского имен Федора (Макария) Бороздина, то можно заподозрить наличие у него другого крестильного имени, начинающегося на букву «М». Если наши подозрения верны, то в данном случае вкладчик, будучи обладателем двух христианских имен в миру, решил приурочить память по себе и матери к своим именинам в день сщмч. Мокия. Этот принцип соответствует общей тенденции монашеских поминовений, которую мы можем наблюдать на следующих примерах:

- вкладчиками являются душеприказчики некоего Климента и «братия его»: Климент (мон. Кирилл) поминается вместе со своим отцом Василием (мон. Вассиан) — день памяти 23 января на праздник сщмч. Климента Анкирского [Титов 1906: 43];
- вклад князя Семена (мон. Сергей) Ивановича Микулинского: поминаются вкладчик и его сын Петр — день памяти 1 сентября на праздник св. Симеона Столпника [РГАДА, 395, л. 49–49об.; Steindorff 1998: 5]⁷;
- вклад Григория Чесмеева: поминаются Григорий (мон. Герман) Чесмеев, его супруга Анна, дети старец Тимофей⁸ и Варсонофий — день памяти 28 июля на преставление инока Германа [РГАДА, 395, л. 148об.–149; Титов 1906: 49]⁹;
- вклад Алферия (Елевферия; мон. Елисей) Васильевича Мижуева: вкладчик поминается со своей женой Марией (мон. Маремьяна) — день

⁷ В кормовой книге 1581–1582 гг. корм также и по княгине Евдокии Микулинской.

⁸ Он же, судя по тексту вкладной записи, имеет второе имя Иван или Федор.

⁹ В рукописи РГАДА, 395 добавлены и другие дети — Иван и Феодор.

памяти 15 декабря на праздник сщмч. Елевферия и матери его Анфии и Корива епарха [РГАДА, 395, л. 90; Титов 1906: 42–43; Steindorff 1998: 83];

- вклад князя Дмитрия (мон. Дионисия) Федоровича Палецкого: вкладчик поминается со своим братом Давидом — день памяти 11 сентября на праздник сщмч. Димитрия [РГАДА, 395, л. 53; Титов 1906: 51; Steindorff 1998: 29–31].

Приведенные примеры позволяют говорить о распространенности двух практик: 1) в семейных поминовениях вкладчик стремится приурочить день общей памяти ко дню, ассоциированному с ним самим; 2) вкладчик-инок для подобных поминовений, как правило, избирает свой именинный день по крестильному, а не иноческому имени. Это знание позволяет нам предположительно реконструировать крестильные имена еще нескольких иноков-вкладчиков.

Во вкладной книге середины XVI в. есть запись о коллективном корме инока Саввы Клокачева: его отца инока Петра, матери иноки Акулины, сестры иноки Агафьи и самого инока Саввы [Титов 1906: 22]¹⁰. Было установлено два корма — 20 августа, как сказано в источнике, «на память святого пророка Самоила», и 8 октября. Можно предположить, что инок Савва звался Самуилом в миру, так как это совпадает с традицией выбора монашеского имени — на ту же букву, что и крестильное, и в таком случае одно из поминовений приурочено к именинам вкладчика. К сожалению, подтвердить эту версию по синодикам Иосифо-Волоколамского монастыря не представляется возможным, так как и в них Савва назван своим иноческим именем, подобно тому, как Тихон (Тимофей?) Стремоухов здесь регулярно называется Тихоном [Иосифо-Волоколамский монастырь 2024: 165; 196; 175; 219; 279; 518; 519].

Другой пример — корм епископа Суздальского и Тарусского Геннадия (1517–1531), поминаемого 30 сентября «на память великомученика Григория» вместе со своими родителями иноком Александром и Евдокией [Титов 1906: 23]. Вполне разумной представляется версия, согласно которой Геннадий в крещении звался Григорием¹¹, и, соответственно, 30 сентября — празднование его небесному покровителю по крестильному имени, а корм, таким образом, вновь оказывается приурочен к именинам вкладчика.

Подобного рода реконструкции — хотя бы даже и гипотетические — крестильных имен вкладчиков, особенно столь значимых, как епископ Геннадий, могут, как кажется, принести пользу в дальнейших

¹⁰ Исключительно под иноческим именем он упоминается как в более поздней вкладной книге, так и в кормовой [РГАДА, 395, л. 68–68об.; Steindorff 1998: 43].

¹¹ В синодиках владыка упоминается только под именем Геннадий [Иосифо-Волоколамский монастырь 2024: 249, 252, 306, 320].

просопографических разысканиях. Они же в очередной раз доказывают важность коммеморативных источников для выявления полного антропонимического досье исторических персоналий, неоднократно подмечавшуюся в новейшей историографии [Авдеев et al. 2022: 319].

Отдельно приведем примеры, где в качестве вкладчиков выступают двое братьев, а день памяти приурочен к преставлению или именинам одного из них:

- вклад князей Ивана и Григория (мон. Гурий) Петровичей Звенигородских по себе — день памяти 30 сентября на праздник сщмч. Григория, епископа Армении [РГАДА, 395, л. 142–142об.];
- вклад старца келаря Моисея Неплюева и его брата Климентия Пятого по себе — поминаются на день преставления келаря Моисея [РГАДА, 395, л. 89];
- вклад старца Тихона и его брата Василия Григорьевича Стремоухова по себе — день памяти 26 апреля на праздник сщмч. Василия, епископа Амасийского [РГАДА, 395, л. 127].

В подобных «братских» поминаниях трудно точно определить, почему общий день памяти связывается с одним конкретным вкладчиком. Если следовать логике иных поминовений, то можно предположить, что один из них пожертвовал больше средств, чем другой. Вкладные книги, как правило, напрямую не указывают, сколько на чью долю приходилось в таких даяниях. Так, братья князья Звенигородские совместно вложили село Харланово¹², деревню Воронино на реке Озерне¹³ и двести рублей; Тихон и Василий Стремоуховы — деревню Тарасенково, семьдесят рублей и «одоние» ржи. Однако есть и такой пример, когда вклады разграничиваются:

Кела^р ста^рец Моисѣй Неплюе^в къ пѣрвои своей дачѣ къ пѣт^ддеся^т ру^блемъ еі [15] ру^бле^в денѣ^т, да бра^т его Пятои Неплюе^в, а имя ему Клемен^{те}и^и да^т къ пѣрвои своей дачѣ къ пѣт^днатцет^ь ру^бле^и къ [20] ру^бле^в денѣ^т, и всего их дачи буде^т р [100] ру^бле^в [РГАДА, 395, л. 89].

Из этой записи видно, что два брата совместными усилиями смогли вложить сумму, необходимую для кормового поминания, но только в один, общий для них день. Келарь старец Моисей действительно пожертвовал средств больше, чем Климентий, и поминовение было установлено на день его преставления, что подкрепляет, как кажется, наше предположение об устройстве подобных «братских» коммемораций.

¹² Речь идет, вероятно, о селце Харланово Замошской волости Рузского уезда [Правящая элита].

¹³ Вероятно, также Рузского уезда.

Женские вклады

Тенденция приурочивания коллективных кормов к датам, связанным с тем лицом, которое обеспечивает их экономически, оказывается настолько стабильной, что может не меняться даже в тех относительно редких случаях, когда в качестве вкладчика выступает женщина:

- вклад Евдокии (мон. Евфросинии) Кутузовой, дочери Семена Ивановича Воронцова, жены Андрея Михайловича Кутузова: вкладчица поминается со своей дочерью Марией Куракиной — день памяти 1 марта на праздник св. прп. мчц. Евдокии Илиопольской¹⁴ [РГАДА, 395, л. 82об.–83].

Другой, хотя и несколько гипотетичный пример — вклад княгини Евфросинии (мон. Варсонофии), супруги князя Дмитрия Васильевича Небогатого, по себе и по своим родителям — иноку Дамиану и иноке Дарье 29 октября [РГАДА, 395, л. 76–76об.]¹⁵. В этот день мы не найдем в месяцеслове памяти ни св. Дмитрия, ни свв. Дамиана и Дарии, однако признать, что 29 октября являлось не датой именин, а днем преставления одного из указанных лиц, было бы чересчур поспешным решением, тем более что преставление Евфросинии, согласно эпиграфическим сведениям, пришлось на 23 октября 1552 г. [Источники по социально-экономической истории 1985: 200]. Обращает на себя внимание, что княгиня Евфросиния получила монашеское имя, не имеющее совпадения с крестильным в первой букве. Конечно, подобные ситуации возможны, особенно с учетом некоторой скудости женского именослова по сравнению с мужским, и все-таки это заставляет заподозрить, что здесь мы сталкиваемся с русской традицией полиномии — Евфросиния могла обладать двумя христианскими светскими именами. На 29 октября приходится день памяти мчц. Вассы Греческой. Можно предположить, что крестильным именем Евфросинии (Варсонофии) как раз было имя Васса. В таком случае она вместе со своей семьей поминается на собственные именины. Дополнительным подтверждением этой гипотезы служит то, что в более поздней кормовой книге наша Варсонофия записана под 29 октября одна — т. е. выбранное число как-то связано именно с ней, а не с ее отцом или матерью¹⁶.

¹⁴ При передаче текста сохраняются основные орфографические и графические особенности источника, в том числе употребление букв *ѣ, і, ѿ, ѣ* и конечных *ѣ* и *ѣ*. Написание слов воспроизводится без приведения к современным орфографическим нормам. Титло раскрывается в круглых скобках, выносные буквы передаются надстрочными знаками. Цифровые обозначения сохраняются в их исходном виде; для удобства чтения их числовое значение дополнительно приводится в квадратных скобках.

¹⁵ В помяннике Иосифо-Волоколамского монастыря также именуется Варсонофией и поминается вместе с отцом 29 октября [Иосифо-Волоколамский монастырь 2024: 198].

¹⁶ Это предположение, впрочем, не бесспорно. Согласно вкладной книге Новодевичьего монастыря, поминание Евфросинии (Варсонофии) приходилось

Поминовения без вкладчика

Теперь рассмотрим случаи, где вкладчик не вписал себя в перечень поминаемых лиц вовсе:

- вклад князя Ивана (Жерди) Ивановича Хованского по своим родителям: поминаются князь Иоанн (Чепец) Васильевич Хованский и его жена, княгиня-инокиня Евфросиния — день памяти 13 ноября на праздник св. Иоанна Златоуста [РГАДА, 395, л. 79об.–80об.; Титов 1906: 37];
- вклад Филиппа Михайловича Ловчего по своим родителям: поминаются Михаил Ловчий и Мария — день памяти 12 июля на праздник прп. Михаила Малеина [Титов 1906: 20];
- вклад князей Ивана и Григория Петровичей Звенигородских по своим родителям: поминаются князь Петр Васильевич Звенигородский и княгиня Анастасия (мон. Наталья) — день памяти 29 июня на праздник апп. Петра и Павла [РГАДА, 395, л. 142–142об.; Титов, 1906: 55]¹⁷;
- вклад Андрея и Василия Яковлевичей Щелкаловых по своим родителям: поминаются Иаков Щелкалов и инока Анастасия — день памяти 27 ноября на праздник Иакова Персянина [РГАДА, 395, л. 178–178об.]¹⁸;
- вклад волоколамского игумена Левкия (Аишева/Акишева) (1587–1590) по своим родителям: поминаются Иаков и Соломонида — день памяти 27 ноября на праздник Иакова Персянина [РГАДА, 395, л. 202];
- вклад Марии Андреевой жены Повадиной: поминаются Андрей Поведин и его сын Иван — день памяти 4 мая на праздник Иоанна Палеолаврита [РГАДА, 395, л. 129–129об., Steindorff 1998: 219];
- вклад Григория Дмитриевича Еропкина: поминаются инокиня Екатерина (Еропкина?) и ее мать схимница инокиня Маремьяна — память 18 января на день преставления Маремьяны [РГАДА, 395, л. 145об.–146]¹⁹.

Почти все примеры из этой категории — сыновьи вклады по своим родителям. Заметим, что в абсолютном большинстве рассматриваемых

на 23 сентября — эта дата стоит близко ко дню памяти прп. Евфросинии Александрийской (25 сентября) [Источники по социально-экономической истории России 1985: 171]. Однако в этой рукописи можно обнаружить примеры коммемораций, которые заметно отличаются от традиционных поминальных практик. Так, здесь можно встретить случаи поминовения по монашескому, а не крестильному имени. Например, княгиня-инокиня Евфросиния, жена князя Андрея Кропоткина, поминается по своему монашескому тезоименитству 25 сентября [Ibid.: 167].

¹⁷ Отдельной интересной особенностью этого вклада является то, что вкладчиками являлись дети супружеской пары — Иван и Григорий, также оставившие вклад по себе (см. выше).

¹⁸ О других поминаниях Щелкаловых см. [Литвина, Успенский 2022а].

¹⁹ Вклад был сделан сыном Маремьяны — Григорием Дмитриевичем Еропкиным, который по самому себе заказал два отдельных корма: на преставление и на именины.

случаев день поминания связан с отцом семейства. Бывают и редкие исключения, такие как вкладная запись волоколамского игумена Тихона (Хворостинина) (1573–1575), когда центром такого поминовения становится женщина:

Дача Угрѣшскаго игумена Тихона Хворостинина. [...] далъ игумень Тихонъ Хворостининъ в домъ Пречистыя Богородицы в Осифовъ монастырь, в наслѣдіе вѣчныхъ благъ, по отцѣ своемъ по Савине и по матери своей Марфе [...] да быти по нихъ корму на всякой годъ іюня въ второй день [Титов 1906: 73–74].

На 2 июня приходится праздник правв. Марфы и Марии, сестер Лазаря. Конечно, всегда остается вероятность простого совпадения — именинный день мог совпасть с днем смерти одного из супругов, но нельзя исключать и намерения игумена Тихона (Хворостинина) приурочить корм именно к материнским именинам.

Природа вкладов без включения в поминальную запись имен вкладчиков интересна тем, что может, по всей видимости, подразумевать некоторую хронологическую динамику. Дети часто заказывали в монастыре корм по своим, вероятно, уже усопшим, родителям и сначала не включали себя в это общее семейное поминание. Прижизненно такие вкладчики могли заказывать о самих себе отдельные, заздравные кормы. Некоторые вкладные записи, однако, позволяют заподозрить, что вкладчики предполагали, что их «припишут» к родительскому дню памяти уже после смерти. О существовании такой практики мы знаем в том числе благодаря вкладной записи родного брата первой супруги царя Ивана IV Васильевича — Никиты Романовича:

Да и кормъ кормиѣ на всакой гѡ^а болшеи заз^аравной генвара въ ї [10] днь, доколе б(о)гъ пошлѣ^т по дшѣ его и по женѣ его дшю [РГАДА, 395, л. 125].

О здравии здесь приказано молиться о Никите Романовиче, о его жене Евдокии и об их детях вместе — 10 января на память свт. Никиты, епископа Аполлониадского, однако о посмертном поминании сказано следующее:

И тогда написати его в повседневной списокъ и в сенаникъ вѣчный и женѣ его Евдокію доколѣ и монастырь пречтыя стоит ис повседневнаго списка их не выгладити да и кормъ учинитъ з годѣ на год за тѣже дачю на ихъ преставленіе в кормовые книги ихъ написати вмѣсте с родители ихъ [РГАДА, 395, л. 125].

После смерти Никита Романович и его супруга Евдокия должны были поминаться уже не как отдельная супружеская чета, а вместе со своими родителями. В некоторых вкладных записях можно обнаружить

приписки: «да и в кормовой список написать с родители ея вместе»²⁰. Подобные отметки и уточнения во вкладных книгах показывают, что списки семейного поминания не были статичны — они могли расширяться со временем, причем это расширение, по-видимому, планировалось заранее. Человек передавал монастырю средства на поминание своих родителей, но на словах или письменно мог распорядиться и о собственной посмертной судьбе — его также должны были приписать к уже заказанному семейному корму. Вероятно, именно об исполнении таких предписаний свидетельствуют поминальные записи, куда сам вкладчик включен, но выбранная для поминовения дата ассоциирована не с ним:

- вклад Федора Григорьева сына Нелидова: поминаются Григорий (мон. Геронтий) и его сын Федор Нелидов Ракитин — день памяти 30 сентября на праздник сщмч. Григория, епископа Армении [Титов 1906: 41];
- вклад Василия Стефановича Ростопчина: поминаются Стефан (мон. Симеон), его брат инок Зосима и сын Василий Ростопчин — день памяти 21 июля на праздник св. юродивого Симеона [РГАДА, 395, л. 136об.]²¹.

Феодор Нелидов и Василий Ростопчин могли заранее заказать корм по своим родителям, а после смерти «приписаться» к ним. В такой ситуации поминание всей семьи оставалось связанным с отцом семейства — его именинами или кончиной.

О том, что подобные изменения могли происходить порой и не совсем тривиальным образом, свидетельствует вклад такого заметного деятеля грозненской эпохи, как Петр Михайлович Щенятев, который в 1540-е — первой половине 1560-х гг. входил в число наиболее влиятельных политических и военных деятелей России. Зимой 1565/1566 г. он неожиданно стал иноком ростовского Борисоглебского монастыря. Вполне вероятно, что такой поступок являлся своего рода политическим жестом и выражал неприятие князем опричнины Ивана IV [Белов 2022: 11]. Монашеский чин, однако, не уберег Петра Щенятева от смерти под пытками в августе 1568 г. [Белов 2019б: 34]²².

Согласно вкладной книге, князь Михаил Данилович Щенятев, его супруга княгиня Анна (мон. Анастасия), его сын Петр, а также его отец князь Даниил вместе со своей супругой княгиней Анной, братом князем Иваном и князем Иваном Бельским²³ поминались 6 сентября на

²⁰ Например, РГАДА, 395, л. 124об.–125.

²¹ Довольно интересно, что поминание здесь привязано к иноческому, а не мирскому имени отца. Это может косвенно свидетельствовать о том, что Стефан (Симеон) давно понял постриг.

²² Эта дата смерти П. М. Щенятева была вычислена Н. В. Беловым по данным синодика Троице-Сергиева монастыря.

²³ Вероятно, речь идет о князе Иване Федоровиче Бельском, который был женат на дочери князя Михаила Даниловича Щенятева.

праздник архистратига Михаила. Отдельно обговорен и корм по Петру Михайловичу Щенятеву:

А какъ преставится князь Петръ Михайловичъ — ино его написати въ повседневной списокъ въ вѣчной і в сенаникъ по тому же, какъ отецъ его написанъ, да быти по немъ корму на его преставленіе одному на всякъ годъ, который былъ на отца его память [Титов 1906: 52].

Согласно этому тексту, весь круг родственников сначала должен был поминаться на именины Михаила Даниловича Щенятева, а после смерти Петра Михайловича день корма должен был измениться на дату преставления последнего. Однако вот что мы читаем во вкладной книге 1570-х гг.:

Поминати в повседневномъ списѣ и в сенаникъ оца его князя инока Мисаила, да мтръ его кнгиню иноку Анастасію, да князя Данила, да князя Ивана, да кнгню Анноу, да князя Ивана Бѣлского, да его князя инока Пимина доколе и манастырь прчтыя стоять, и с повседневнаго списка иѣ не выгладити, да быти по ниѣ корму одному на всякъ годъ на преставленіе его сентября ѿ [6] [РГАДА, 395, л. 50об.].

На первый взгляд может показаться, что иноки Иосифо-Волоколамского монастыря соблюли желание Петра (мон. Пимена) Щенятева и переписали весь коллективный корм на его день преставления, который удивительным образом совпал с именинами Михаила Даниловича. Впрочем, дата смерти Петра Михайловича известна — 5 августа 1568 г. [Белов 2019а: 187], а вовсе не 6 сентября. Можно предположить, что в монастыре формально отнеслись к просьбе князя — продолжили поминать все семейство на именинный день Михаила Щенятева, указав, что это якобы день преставления вкладчика. Быть может, иноки Иосифо-Волоколамского монастыря намеренно проигнорировали это волеизъявление князя Петра, не желая делать поминание Щенятевых политическим заявлением. Как было отмечено А. А. Булычевым, некоторые монастыри XVI столетия специально избирали дни коллективных поминовений так, чтобы косвенно продемонстрировать свое негативное отношение к политическим казням [Булычев 2005: 23–24]. В то же время иноки Иосифо-Волоколамского монастыря проигнорировали желание Петра Щенятева поминаться в день собственной кончины, и это может быть неслучайным.

Разумеется, далеко не всегда воля вкладчика, согласно которой именно он после кончины должен был сделаться центральной фигурой коммеморативного события, исполнялась столь искаженно-формальным образом. По всей видимости, результатом прямого следования

пожеланиям вкладчика становятся записи, где день коллективного корма и в самом деле приурочен ко дню кончины того человека, который при жизни выделил на него средства. Так устроена, например, уже упоминавшая запись о вкладе Никиты Афанасьевича Фуникова. Вероятно, Никита Афанасьевич изначально заказал корм по своим уже умершим членам семьи и выказал желание впоследствии поминаться вместе с ними в день своего преставления. Это и было, насколько мы можем судить по вкладной книге, исполнено после его смерти. Другой случай — вкладная запись семьи Чесмеевых, где сказано, что Григорий (мон. Герман), его жена и дети поминаются в день преставления отца семейства.

Стратегии создания семейной коммеморации

Для вкладчика-создателя семейной коммеморации безусловно важным являлось собственное посмертное поминовение, при этом было желательно, чтобы день памяти ассоциировался непосредственно с ним самим [Шаблова 2012: 64]. Здесь могли избираться различные стратегии. Одна из них — это организация двух кормов, отдельно по усопшим родственникам и отдельно по себе: одному или вместе с еще живыми членами семьи. Второй корм изначально являлся заздравным, но об этом во вкладных книгах не всегда сказано эксплицитно. В таком случае после смерти вкладчика за ним с большей вероятностью оставалась выбранная им дата для заздравного корма, а он не становился автоматическим приписанным к прочим своим родственникам. Этим объясняется своеобразие рассмотренного нами выше вклада Ф. Б. Бороздина. В более поздней кормовой книге он продолжает поминаться вместе со своей матерью 11 мая (т. е., вероятно, в дату, определенную некогда для заздравного корма), а не 24 июля (день заупокойного корма по его отцу и деду) [Steindorff 1998: 221].

В других же случаях человек выделял средства на поминовение своих родителей, но не заказывал никаких заздравных кормов, а давал письменное или устное распоряжение о приписывании себя к семейной памяти после преставления.

Примером избрания первой стратегии может служить вклад княгини-иноки Ирины (Варсонофии) Бужаровской, заказавшей корм по самой себе и своему супругу Ивану Ивановичу Товаркову:

Дача кнгни Ирины Бужаровскѣе в иноцехъ Варсонофiи. Дала кнгни инока Варсонофiа в до^а прчтыа бци в Осифовъ монастырь в наслѣдiе вѣчны^х блгъ по себѣ и по свое^м мѣже по Иване по Таваркове [...] да быти по ни^х кормѣ на всякъ го^а декабря въ гi [13] днь [РГАДА, 395, л. 87]²⁴.

²⁴ В именном указателе к Синодику Серапиона Полева Ирина (Варсонофия) отождествляется В. С. Безродновым с Василисой Межецкой [Иосифо-

Запись в кормовой книге подтверждает, что на 13 декабря был установлен корм по «Варсунофье Бужаровской да по муже ея по Иване» [Steindorff 1998: 81]. Так как на 13 декабря не приходится именины никого из упомянутых лиц, остается предположить, что это день преставления одного из супругов. Эти вкладные и кормовые записи не были бы для нас примечательны, если бы в более ранней рукописи нами не была обнаружена запись о еще одном корме:

Поминаніе княгини Ирины Бужаровские — поминати князя Иоанна Товаркова доколе монастырь Пречистыя стоять, ис повседнаго поминанія не выгладити; да быти по немъ корму декабря гѣ [13]; а как преставитца княгиня Ирина, а в черницахъ Варъсонофія, и ея поминати доколе монастырь Пречистыя стоять, ис повседневнаго поминанія не выгладити; да быти по ней корму ок(тября) аѣ [11] [...] [Титов 1906: 21].

Примечательно, что в кормовой книге, составленной значительно позднее этой записи, мы также не найдем никакого отдельного корма 11 октября по Ирине (Варсонофии) Бужаровской. Вероятнее всего, он был заздравным и к моменту составления кормовой книги потерял свою актуальность. Можем предположить, что княгиня совершила вклад после преставления своего супруга. 13 декабря не является именинным днем для Иоанна, а значит, скорее всего, может быть днем его преставления. По самой себе Ирина (Варсонофия) заказала заздравный корм на 11 октября²⁵. После смерти обоих супругов их стали поминать в день мужнего преставления. Замечательным образом в данном случае

Волоколамский монастырь 2024: 139]. Это отождествление строится на записи в Синодике Серапиона Полева, где имя «Варсонофия» зачеркнуто, а рядом с «Мезецкой» вписано «Василиса тож» (*Енарх. № 411 (668)*, л. 14), однако в этом же источнике инокиня Варсонофия Мезецкая поминается самостоятельно (*Енарх. № 411 (668)*, л. 17). В других синодиках и кормовых книгах, опубликованных в этом же сборнике, Варсонофия никогда не называется другим именем [Иосифо-Волоколамский монастырь 2024: 169, 262, 517]. В родословии князей Мезецких, составленном Ю. В. Татищевым, Василиса или Ирина (Варсонофия) не упоминается [Татищев 1903].

Версия с именем Василиса для Ирины Бужаровской не подтверждается установленным по ней кормом 11 октября — в этот день отсутствует память для св. Василия. В этот день празднуется память св. Виктории. Последнее могло быть крестильным для Ирины/Варсонофии тем более, что 11 октября как день ее индивидуального поминания был избран при жизни княгини.

Интересно, что в источнике Товарковы названы княжеской четой, но это не совсем правильно. Ирина после смерти мужа повторно вышла замуж за князя Семена Романовича Ярославского и действительно стала княгиней. Получается, что Иван Товарков стал князем посмертно и благодаря новому замужеству своей вдовой жены [Лихачев 1901: 109–110].

²⁵ Этот день должен был являться для вкладчицы именинным, и поэтому мы можем сделать предположение о крестильном имени иноки Варсонофии — в крещении ее могли звать Викторией.

не работает логика, согласно которой поминовение приписывается ко дню, семантически связанному со вкладчиком. По-видимому, гендер мог играть заметную роль в выборе дня для семейного поминовения.

Примером стратегии второго типа может служить вклад уже упоминавшегося нами епископа Суздальского и Тарусского Геннадия. Во вкладной книге середины XVI в. предписывается помянуть и родителей епископа, и его самого 30 сентября — на именины вкладчика [Ibid.: 23]. Вероятно, заказывая корм по своим родителям, Геннадий распорядился приписать после смерти к этому поминовению и самого себя и заранее выбрал для корма связанный с собой день.

Заключение

Коллективные поминовения в Иосифо-Волоколамском монастыре, в меньшей степени, чем поминовения индивидуальные, являются ценным источником и в сфере просопографии, и в области истории культа святых, личного благочестия и монастырского обихода на Руси. Так, в частности, благодаря им мы можем наблюдать живое функционирование русской средневековой полиномии: здесь иноки демонстрируют почитание своего святого тезки по крестильному имени, тогда как монастырские синодики запечатлевают, как правило, их иноческие имена, и мы видим, насколько оба антропонима остаются актуальными для инока и в земной, и в загробной жизни.

С другой стороны, подобное сочетание ономастических данных позволяет исследователю реконструировать мирские христианские имена тех, кто до сих пор был известен исключительно под именем, полученным при постриге, и, соответственно, пополнить и уточнить целый ряд биографических сюжетов. Кроме того, у нас есть возможность выявлять случаи светской христианской двуименности, а также очертить круг особенно важных для монастыря праздников, вынуждавших сдвигать даже коллективные кормовые поминовения.

Причина создания семейных кормовых поминовений в первую очередь имела экономический характер: не всякий вкладчик мог позволить себе индивидуальное поминовение для каждого члена семьи. Эти семейные коммеморации в совокупности с прижизненными заздравными кормами в Иосифо-Волоколамском монастыре образовывали, по-видимому, зачатки динамической системы, с помощью языка имен и дат объединявшей довольно пространственный коллектив родственников. Размер и состав этого коллектива мог довольно существенно варьироваться, здесь нередко запечатлевались индивидуальные предпочтения и специфические события в жизни отдельного человека или целой семьи. Однако основной тенденцией на фоне всего этого разнообразия

было стремление вкладчика устроить дело так, чтобы со временем сделаться «титულიной» фигурой коллективного поминовения, приурочив его или к своим именинам, или ко дню своего преставления.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва, Россия).

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва, Россия).

Библиография

Источники

Рукописи

Епарх. № 411 (668)

ГИМ, Епарх. № 411 (668), Синодик Серапиона Полева, 1525/1526 г.

Епарх. 418(686)

ГИМ, Епарх. № 418 (686), Записная книга Иосифо-Волоколамского монастыря, 1550-е гг.

Епарх. 419 (687)

ГИМ, Епарх. № 419 (687), Вкладная книга Иосифо-Волоколамского монастыря, 1550-е гг.

Син. 403 (829)

ГИМ, Син. № 403 (829), Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря, 1581–1582 гг.

РГАДА, 395

РГАДА, ф. 1192 (Иосифов Волоколамский (Волоцкий) мужской монастырь), оп. 2, № 395, Вкладная книга Иосифо-Волоколамского монастыря, 1585–1587 гг.

РГАДА, 286-413

РГАДА, ф. 286 (Герольдмейстерская контора), оп. 1, кн. 413, О сборе с синодальных дворцовых крестьян окладных оброчных денег и хлеба, Московского, Владимирского и других уездов (Окладные оброчные), 1727 г.

Издания

Иосифо-Волоколамский монастырь 2024

Иосифо-Волоколамский монастырь. Синодики, вкладные, записные и кормовые книги XVI — середины XVII века, 1, Безроднов В. С., Корзинин А. Л. сост., Москва, 2024.

Источники по социально-экономической истории 1985

Источники по социально-экономической истории России. Из архива Новодевичьего монастыря, Павлов-Сильванский В. Б., подгот. текста и вступ. ст., Корецкий В. И., ред., Москва, 1985.

Титов 1906

Титов А. А., *Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI века и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии*, Москва, 1906.

Шабаев 2017

Шабаев Л. Е., *Родословные росписи тверской аристократии конца XVII века, Российская генеалогия*, 2017, 2, 212–213.

Шаблова 2012

Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI-XVII веках. Публикация: Синодичное Предисловие, Книга Кормовая, Синодик Кормовой, Шаблова Т. И., подгот. текстов и исслед., С.-Петербург, 2012.

Steindorff 1998

Steindorff L., *Das Speisungsbuch von Volokolamsk. Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря. Eine Quelle zur Sozialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert*, Steindorff L., Koke R., Kondraškina E., Lang U., Pohlmann N., Hrsg., Köln, Weimar, Wien, 1998.

Интернет-ресурсы

Правящая элита

Корзинин А. С., Селин А. А., Штыков Н. В., *Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного* (<https://russian-court.spbu.ru/personalii/details/1/5513.html>)

Литература

Авдеев et al. 2022

Авдеев А. Г., Литвина А. Ф., Радеева О. Н., Успенский Ф. Б., Светская христианская двуименность в эпитафиях Московской Руси (вокруг трех неопубликованных надписей XVI–XVII вв.), *Slověne*, 11/2, 2022, 317–346.

Авдеев 2022

Авдеев А. А., Редкий генеалогический казус в Синодике Троицкого Ипатьевского монастыря, *Палеороссия. Древняя Русь: во времени, личностях, идеях*, 3/19, 2022, 23–33.

Алексеев 2002

Алексеев А. И., *Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв.*, С.-Петербург, 2002.

——— 2019

Алексеев А. И., Синодик Чудова монастыря в Московском Кремле, *Вестник церковной истории*, 3–4/55–59, 2019, 5–239.

Белов 2019а

Белов Н. В., Антиопричное выступление князя Петра Михайловича Щенятева, *Novogardia*, 2019, 179–195.

——— 2019б

Белов Н. В., Князь Петр Михайлович Щенятев — воевода Свяжска (1559–1560). К вопросу о служебном статусе свияжской крепости в третьей четверти XVI в., *Историческое обозрение*, 24, 2023, 28–37.

——— 2022

Белов Н. В., Князь Петр Михайлович Щенятев, Ростовский Борисоглебский монастырь и опричина Ивана Грозного, *Вестник исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии*, 1/9, 2022, 9–16.

Булычев 2005

Булычев А. А., *Между святыми и демонами: заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного*, Москва, 2005.

Дайкстра 2007

Дайкстра Т., Иноческие имена в Московской Руси и проблемы идентификации их обладателей: (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607), *Именослов: Историческая семантика имени*, Москва, 2, 2007, 238–298.

Долгоруков 1857

Долгоруков П. В., *Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым*, 4., С.-Петербург, 1857.

Зимин 1977

Зимин А. А., *Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.)*, Москва, 1977.

——— 1978

Зимин А. А., Вкладные и записные книги Волоколамского монастыря XVI века, *Из истории феодальной России*, Ленинград, 1978, 83–84.

Литвина, Успенский; 2006

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики*, Москва, 2006.

——— 2013

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Русские имена половецких князей. Междинастические контакты сквозь призму антропонимики*, Москва, 2013.

——— 2020

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., «Се яз раб Божий...» Многоименность как фактор и факт древнерусской культуры, С.-Петербург, 2020.

——— 2022a

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Выбор имени и коммеморативная практика в XVI в. (Новое о думном дьяке Андрее Щелкалове), *Scando-Slavica*, 68/1, 2022, 157–174.

——— 2022b

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Годунов в кругу родни (Биографические разыскания)*, С.-Петербург, 2022.

——— 2024

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., Сестра — жена — вдова: феномен Аграфены Челядниной и ее семейства, *Slověne*, 13/1, 2024, 48–81.

Лихачев 1901

Лихачев Н. П., Заметки по родословию некоторых княжеских фамилий, *Известия Русского генеалогического общества*, 1, 1900, 70–113.

Татищев 1903

Татищев Ю. В., Род князей Мезецких, *Известия русского генеалогического общества*, 2, 1903, 48–84.

Успенский 2007

Успенский Ф. Б., *Именослов: историческая семантика имени*, Москва, 2007.

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б., *Иноческие имена на Руси*, Москва, С.-Петербург, 2017.

Штайндорф 2000

Штайндорф Л., Кто ближние мои? Индивид и культура поминовения в России раннего нового времени, *Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала нового времени)*, С.-Петербург, 2000, 208–239.

——— 2002

Штайндорф Л., Вклады царя Ивана Грозного в Иосифо-Волоколамский монастырь, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3/9, 2002, 3/9, 90–100.

——— 2014

Штайндорф Л., Что было нового в культуре поминания в Иосифо-Волоцком монастыре? Пересмотр вопроса, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1/55, 2014, 25–32.

References

- Avdeev A. G., Litvina A. F., Radeeva O. N., Uspenskij F. B., Secular Christian Dual Naming in the Epitaphs of Moscow Rus (Around Three Unpublished Inscriptions of the 16th–17th centuries), *Slověne*, 11/2, 2022, 317–346.
- Avdeev A. A., A Rare Genealogical Incident in the Synodyc of the Trinity Ipatiev Monastery, *Palearosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 3/19, 2022, 23–33.
- Alekseev A. I., *Pod znakom kontsa vremen: Ocherki russkoi religioznosti kontsa XIV – nachala XVI vv.*, St. Petersburg, 2002.
- Alekseev A. I., Synodik of the Chudov monastery in the Moscow Kremlin, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 34/55–59, 2019, 5–239.
- Belov N. V., Antioprichnoe vystuplenie kniazia Petra Mikhailovicha Shcheniateva, *Novogardia*, 2019, 179–195.
- Belov N. V., Kniaz' Petr Mikhailovich Shcheniatev – voevoda Sviazhska (1559–1560). K voprosu o sluzhebno-m statuse sviazhskskoi kreposti v tret'ei chetverti XVI v., *Istoricheskoe obozrenie*, 24, 2023, 28–37.
- Belov N. V., Prince Peter M. Shcheniatev, Rostov Borisoglebsky Monastery and Oprichnina of Tsar Ivan IV the Terrible, *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy: scientific journal*, 1/9, 2022, 9–16.
- Bulychev A. A., *Mezhdu sviatymi i demonami: zametki o posmertnoi sud'be opal'nykh tsaria Ivana Groznogo*, Moscow, 2005.
- Daikstra T., Inocheskie imena v Moskovskoi Rusi i problemy identifikatsii ikh obladatelei: (na materiale istochnikov Iosifo-Volokolamskogo monastyrja, 1479–1607), *Imenoslov: Istoricheskaja semantika imeni*, 2, Moscow, 2007, 238–298.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv. Dinasticheskaja istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2006.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Russkie imena polovetskikh kniazei. Mezhdinasticheskie kontakty skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2013.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., “Se iaz rab Bozhii...” *Mnogoimennost' kak faktor i fakt drevnerusskoi kul'tury*, St. Petersburg, 2020.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., Vybor imeni i kommemorativnaia praktika v XVI v. (Novoe o dumnom d'iake Andree Shchelkalove), *Scando-Slavica*, 68/1, 2022, 157–174.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Godunov v krugu rodni (Biograficheskie razyskaniia)*, St. Petersburg, 2022.
- Litvina A. F., Uspenskij F. B., A Sister – A Wife – A Widow: The Phenomenon of Agraphena Chelyadnina and Her Family, *Slověne*, 13/2, 2024, 48–81.
- Steindorff L., Kto blizhnie moi? Individ i kul'tura pominoveniia v Rossii rannego novogo vremeni, *Chelovek i ego blizkie na Zapade i Vostoke Evropy (do nachala novogo vremeni)*, St. Petersburg, 2000, 208–239.
- Steindorff L., Vklady tsaria Ivana Groznogo v Iosifo-Volokolamskii monastyr', *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 3/9, 2002, 3/9, 90–100.
- Steindorff L., What Was New about Commemoration in the Iosif Volotsky Monastery? A Reassessment, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 1/55, 2014, 25–32.
- Uspenskij F. B., *Imenoslov: istoricheskaja semantika imeni*, Moscow, 2007.
- Uspenskij F. B., *Inocheskie imena na Rusi*, Moscow, St. Petersburg, 2017.
- Zimin A. A., *Krupnaia feodal'naia votchina i sotsial'no-politicheskaja bor'ba v Rossii (konets XV – XVI vv.)*, Moscow, 1977.
- Zimin A. A., Vkladnye i zapisnye knigi Volokolamskogo monastyrja XVI veka. *Iz istorii feodal'noi Rossii*, Leningrad, 1978, 83–84.

Екатерина Станиславовна Евдокимова, аспирант

Школы исторических наук

факультета гуманитарных наук

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4

Россия / Russia;

ведущий специалист

Российского государственного архива древних актов,

119435, Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17

Россия / Russia

Dostoevskij98@mail.ru

Received October 10, 2025